

*Пóсолонь — по-солнцу, по теченью
солнца, отъ востока на западъ,
отъ правой руки (кверху) къ левой.
Борони пóсолонь,
лошадь не вскружится.
Крути веревку пóсолонь.*

В. Даль

Предисловие

То, что собрано под одной обложкой, я не рискну назвать книгой. Тем более книгой о Крайнем Севере, о котором вообще нелегко писать, еще труднее думать, и уж совсем непросто совмещать одно с другим.

Я оказался на Чукотке не волей обстоятельств, не случайно и не по недоразумению. Этого требовал замысел будущего повествования, в котором Северу как «действующему лицу», отводилась роль не большая, чем внешнего оформления событий более существенных.

Однако, Север настолько вторгся в замысел, что стал доминировать в нем, и мне с трудом удавалось (и не известно, удалось ли) удерживать себя, чтобы следовать задуманному. Пробыв на Чукотке чуть больше двух месяцев и притащив оттуда целый ворох записей, набросков, документов, не говоря уже о впечатлениях, я оказался в положении кладоискателя-кустаря, который в поисках кувшина с монетами набрел на захоронение Чингисхана. Глядя на кипу бумаг, я не знал, что с ними делать.

Когда я отчаялся и уже было отложил затею, мне подсказали выход: собрать отосланные с Чукотки письма и как есть опубликовать, добавив немного документальных материалов, «для апперцепции», как выразился мой друг.

Теперь мне предстояло собрать письма, что оказалось не проще, чем их написать.

Больше всего писем я отослал в Париж. Вероника Г. В свое время работала журналисткой в Москве, прекрасно знает русский и еще лучше нашу историю — предмет ее профессиональной деятельности. Другие адресаты — это преподаватель философии из Казани; петербургский художник; искусствовед и теоретик театра, проживающий в Москве; литературовед из Пскова, а также учительница русского языка и литературы из Торжокского педагогического училища.

Кроме них, я написал два больших письма своему другу Г., известному политику. Все попытки заполучить эти письма или хотя бы их копии закончились безрезультатно. Говорит, письма бесценны и он всегда носит их в кармане, не помнит только в каком. Скорее всего они утеряны. Не вернула мне три письма и одна милая особа, хотя я грозил ей разрывом тех отношений, которые и составляют основной предмет моих к ней посланий. В результате нет ни писем, ни отношений. Таким образом, читатели ничего не узнают ни о моих политических воззрениях, ни о сердечных переживаниях. Надеюсь, это не окажется единственным достоинством повествования.